

ПАДЧЕРИЦА И ХОЗЯЙКИНА ДОЧЬ

Ноженились хозяин с хозяйкой — у обоих по дочке. Хозяйкина-то — ленивая да строптивая, ни за что не желает братья; падчерица — сговорчивая, работающая, а как ни годит — мачехе не угодит. Хозяйка с дочкой просто со свету сживают бедную. Раз затевают хозяйкина дочка с падчерицей у колодца пряхть. Дочке достался чистый лён, падчерице — очёски.

И условились: прыгать в колодец той, у которой нитка раньше порвётся.

Порвалась нитка у падчерицы. В колодец теперь — что же ей остаётся!

Прыгнула она, а не разбилась. На дне стоит, глядит — луг перед ней зелёный стелется.

Пошла она лугом, к плетню подошла. Перелезть собралась.

— Ты уж тихохонько, — просит плетень, — а то вдруг завалюсь. Может статься, я тебе ещё пригожусь!

Падчерица кивнула, будто пёрышко взлетела — плетень перемахнула.

Пошла дальше. Встречает корову — вымя, тугое от молока, на рогах бадейка.

— Ты уж сумей-ка меня выдоить, от молока облегчи, — просит корова. — Вдоволь пей, остальное под копыта мне вылей. Может, и я тебе удружу!

Падчерица кивнула. Только доить взялась — уж бадейка молоком и наполнилась. Попила падчерица, остальное под копыта корове плеснула, а бадейку на рога ей повесила. Дальше пошла.

И встречается ей на лугу баранище — шерсть густущая, долгущая, по земле волочится. Вот сам в себе баран запутается! На рогу у него ножницы.

— Постриги меня, — просит. — Уф, упарился, еле бреду. Сколько хочешь шерсти бери, остальную на шею мне намотай. Да знай, не останусь в долгу — тебе помогу!

Падчерицу упрашивать и не надобно. Баран у её колен пристроился, смиренно лежал, не дёргался, а она ножницами щёлк-щелк — проворно да ловко, не кольнув ни разочка, барана обстригла. Себе шерсти взяла, остальной шею ему обмотала, ножницы на рог повесила и дальше пошла.

Вот к яблоне подходит, глядит — от яблок ветки аж до земли нагибаются, а у ствола и жердинка припасена.

— Собери с меня яблочки, — яблоня просит. — Расправлю ветки, выпрямлюсь, согнувшись-то стоять утомилась. Да уж понапрасну меня не бей, не тряс, угостишься — остальные яблочки к корням моим подкати. Время придёт — и я тебя выручу!

Падчерица где рвала, где осторожненько сбивала — все яблоки с яблони сняла. Поела, сколько хотела, остальным — раскатиться не дала, возле яблони в груду собрала.

Пошла дальше. Долго шла, к большому двору вышла. А там троллиха с дочкой своей жила. Падчерица и спросила у троллихи, не найдётся ль работы.

— Нет, — отвечала троллиха, — столько у нас работничков перебивало, что из-за них дело встало!

Да уж так падчерица просила, что троллиха уступила — взяла работницей в дом. Сунула ей решето, велела воды принести. Падчерица подивилась, да не ослушалась, к колодцу направилась.

А там пташки сидели. Защебетали-запели:

— Глиной вымажи,

соломкой выстели!

Вымажи — выстели!

Падчерица — за глину, потом — за солому. Вымазала, выстелила. И в решете воды принесла. Троллиха глядит — бурчит:

— Не сама ты додумалась, не сама.

И в хлев посылает — стойла вычистить, коров выдоить.

Пришла падчерица в хлев, а лопата там — здоровенная: с места не сдвинуть, не то что навоз кидать! Пташки тут как тут, ну щебетать, чтоб метлу

брала, черенком навоз поддела — враз будет сделано дело. И точно — стало чисто в хлеву, будто мыли-скребли. Падчерица — доить, а к коровам не подступиться: брыкаются, бодаются. Щебетуньи же вьются, заливаются:

— Пташкам плесни,
струйку выплесни!
Выплесни!

Брызнула она молока пташкам, коровы и присмирели. Выдоила падчерица коров. В дом с молоком — а троллиха бурчит:

— Не сама додумалась, не сама. Ну, вот шерсть тебе чёрная, отмой-ка добела!

Не слышала падчерица, чтоб чёрную шерсть добела мыли, да промолчала, с пряжей к речке пошла.

Пташки и подсказали: не в речке — в бочке надобно отмывать, не простая у речки поставлена бочка.

Приносит падчерица белую шерсть, а троллиха кричит:

— Вижу, ох, вижу, непосильный труд тебе работу выискивать, всё переделаешь. Так ты меня изведёшь! Уходи лучше подобру-поздорову!

Поставила троллиха перед ней три ларчика — красный, зелёный и голубой, бери, мол, за службу любой.

Не знает падчерица, какой взять. Тут пташки — ей щебетать:

— Не бери зелёный,
красный не бери,
голубой,
голубой,
голубой
выбери!

И ну над голубым крест-накрест, крест-накрест, крест-накрест порхать. Взяла падчерица голубой ларец — послушалась пташек. И — со двора.

А троллиха ей вслед крикнула:

— погоди, я с тобой сполна рассчитаюсь!

И кинула раскалённую кочергу, да промахнулась.

Спешит падчерица. До яблони добирается — слышит, позади топочут. А то троллиха с дочкой. Вот-вот догонят! Перепугалась падчерица.

— Прячься, прячься! — яблоня ей кричит. — Выручу, укрою ветвями. Коль схватят тебя, то ларчик вместе с жизнью отнимут!

Падчерица под яблоню юрк — троллиха с дочкой подскакивают.

— Девчонка не проходила тут? — троллиха спрашивает.

А яблоня отвечает:

— Как же, она давненько уж пробежала. Она теперь далеко, догнать не пытайтесь, лучше домой возвращайтесь.

Ну, троллиха с дочкой и отправились восвояси.

А падчерица дальше заторопилась. До барана добирается — опять, слышит, топочут. Вот-вот догонят!

Ой, куда ей деваться?

— Под шерсть мою прячься! — кричит баран. — Не то схватят, ларчик отберут, жизнь отнимут! Я тебе помогу, я их обману.

Троллиха к барану подскакивает — спрашивает:

— Девчонка не проходила?

— Как же, — баран в ответ, — во всю прыть бежала. Теперь она далеко, догнать не пытайтесь, лучше домой возвращайтесь.

Ну, они и повернули домой.

А падчерица — своей дорогой. До коровы добирается — опять позади топот слышится.

— Удружу, — корова кричит, — выменем тебя прикрою. Не то и ларчик, и жизнь отберут!

Тут троллиха подскакивает, у коровы спрашивает:

— Девчонка не проходила?

— Во весь дух неслась. За ней не угнаться — нечего и пытаться...

Ну, троллиха домой повернула.

А падчерица — дальше бежать. Вот и плетень виднеется. Да вдруг позади опять топот слышится. Опять злодейка троллиха!..

— Прячься в кустах у меня! — плетень ей кричит. — Не то ларчика тебе не видать, в живых не бывать!

Падчерица юрк в кусты.

Тут троллиха подскакивает, у плетня спрашивает:

— Девчонка не проходила?

Только мне и забот — глядеть за девчонками. Знать ничего не знаю! — в ответ говорит плетень. Сердит — аж скрипит. И ну до небес подниматься! На ясный день пала тень, а плетень встал — не одолеть.

Ну, троллиха восвояси отправилась.

А падчерица домой воротилась. Мачеха с дочкой увидели, какой она красавицей сделалась, — пуще прежнего ей позавидовали, в хлев прогнали, нет, мол, в доме ей места. Она ж вымыла там, прибрала и ларчик открыла. Чем за службу троллиха-то наградила? Тут золото, серебро, каменья всякие из ларца посыпались, засверкал хлев богаче королевского замка. Мачеха с дочкой от зависти чуть не лопнули. Ну допытываться, докапываться, где ларчик взяла!

— Выслужила, — падчерица в ответ. — А по награде и хозяйку видать. Другой такой не сыскать.

Ясно, хозяйкина дочка сразу ж за ларчиком собирается. Опять с падчерицей у колодца прясть усаживается, себе очёски теперь берёт, падчерице лён отдаёт. У которой, мол, нитка раньше порвётся, той в колодец прыгать придётся.

Хозяйкина дочка особо и не старалась — у неё нитка тотчас порвалась. Хозяйкина дочка в колодец и кинулась.

И было с ней, как с падчерицей. Упала, а не разбилась. На дне огляделась — луг зелёный без конца и без краю. Ну, пошла она лугом, к плетню подошла.

— Ты уж тихохонько перебирайся, — плетень попросил. — А то вдруг завалюсь. Я тебе ещё пригожусь!

— Да что за нужда мне в куче хвороста! — сказала она и так навалилась, что плетень охнул, хрустнул. Пошла дальше, повстречала корову.

— Подои меня, — попросила корова, — попей молочка, остальное под копыта выплесни. Потом и я тебе удружу!

Что ж, подоить подоила. Принялась хозяйкина дочка пить — упилась, под копыта плеснуть не осталось!

Откинула прочь бадейку и дальше отправилась.

А дальше повстречала барана — еле тащился, в шерсти путался.

— Постриги меня, — попросил. — Сколько хочешь шерсти бери, остальную на шею мне намотай да знай — и я тебе помогу!

Принялась хозяйкина дочка стричь, места живого на нём не оставила, изрезала, изранила, а всю шерсть себе забрала.

Пошла дальше, яблоню увидела, что от яблочек отяжелела, к земле пригнувшись стояла.

— Собери яблочки, — яблоня попросила. — Распрямяюсь, согнувшись-то стоять утомилась. Сбивай яблочки, трясина, да только веток моих не повреди. Угостишься — остальные сложи мне под корни. Выручишь — и я тебе потом помогу!

Давай хозяйкина дочка яблоки рвать, хватать да сбивать. Била что было силы по яблоне, много веток сгубила. Ела-ела — объелась. Остальным, решила, где б ни лежать — пропадать. Так яблоки и бросила.

Пошла она дальше, к троллихе пришла, работу спросила. А троллиха ей: в работничках, мол, не нуждается — иль ленивы, иль чересчур прытки, того и гляди оберут до нитки. Девчонка не отступает, настаивает, уж она, дескать, себя покажет — за что браться, пускай хозяйка ей скажет.

Ну, троллиха велела сперва воды принести в решете.

Побежала девчонка к колодцу. Только воды в решето наберёт — вода и прольётся. Пташки к ней подлетели, защебетали-запели:

— Глиной вымажи,
соломкой выстели!
Вымажи — выстели!

Да всяких пташек она слушать не стала, глиной в них кинула.

— Сгинули б! — крикнула.

С пустым решетом притащилась. Досталось же ей от троллихи! В хлев троллиха её отправила — вычистить, коров выдоить.

Девчонка подумала, что для такой работы она слишком уж хороша, да нечего делать — пошла. За лопату взялась — не поднять. Пташки ей — про метлу напевать, а девчонка размахнулась да в них же метлой запустила. Стала

коров доить. Те брыкаются, что ни надоит — враз опрокинут. И щебетуны не унимаются:

— Пташкам плесни,
струйку выплесни!
Выплесни!

Девчонка ну коров бить, толкать, в птиц чем ни попадя швырять! И наутёк из хлева — стойла не вычистив, коров не выдоив.

Троллиха ей выволочку и задала. А после шерсть чёрную велела отмыть добела. Ясно, осталась шерсть, как была.

Умаялась хозяйка с работницей, призвала, три ларчика перед ней выставила: выбирай, мол, за службу ларец, а службе — конец.

Тут пташки влетели. Запели:

— Не бери зелёный,
красный не бери,
голубой,
голубой,
голубой
выбери!

И ну над голубым крест-накрест, крест-накрест, крест-накрест порхать.

Только девчонка птиц не послушала, за красный, огнём горящий, схватилась и домой пустилась.

За ней-то троллихе нужды не было гнаться — девчонке не пришлось прятаться.

Домой является — вот уж мать радуется, в горницу парадную дочку зазывает, красный ларец на стол выставляет: вот сейчас золото, серебро засверкает.

Крышку у ларца поднимают — а оттуда жабы да всякие гады! Дочка хозяйкина рот разинула — ой изо рта их хлынуло! Черви, жабы, погань воющая.

Рядом с этакой не устоишь — стремглав от неё побежишь. Ну, что заслужила, то получила.

БЛИН КОМОМ

Было у женщины семеро голодных детишек, и принялась она печь им блины. Молозивом сдобрила тесто, на сковороду плюх — пыхтит блин, поднимается. А детишки гурьбой собираются. Старый отец сидит — смотрит.

Ой, матушка, дай блина чуток! — кричит голодный роток.

— Ну дай, родимая! — кричит другой.

— Ну дай, родимая, любимая! — кричит третий.

— Ну дай, родимая, любимая, сердечная! — кричит четвёртый.

— Ну дай, родимая, любимая, сердечная, пригожая! — кричит пятый.

— Ну дай, родимая, любимая, сердечная, пригожая, хорошая! — кричит шестой.

— Ну дай, родимая, любимая, сердечная, пригожая, хорошая, щедрая! — кричит седьмой. И все разом просят, один другого жалостней, потому как голодные.

— Детки мои, обождите, вот переверну, — говорит она, — все отведаете блина, пышного-то блина, поглядите!

Услыхал блин — напугался, с испугу сам собой перевернулся. Норovil он из сковородки прочь, да силёнок не достало, шлёпнулся туда ж другим боком. А как другим боком разогрелся, так из сковородки прыг на пол! И покати колесом в дверь, а там — по дороге.

— Эй, погоди! — пустилась вдогонку хозяйка со сковородкой в одной руке, с поварёшкой — в другой. А за хозяйкой — детвора. А за ними — отец, едва поспевая.

— Эй, держи его, лови его! — кричат разом. Вот-вот догонят, схватят. Да тут блин завертелся, закрутился ещё пуще и пропал из виду. Проворней всех оказался.

Катится он по дороге, а навстречу ему — человек.

— Здравствуй, блин, — говорит.

— Храни Господь, человеке-издалече, — отвечает блин.

— Блин мой ненаглядный, не катись, задержись, дай я тебя съем!

— Я хозяйке не дался и старцу-отцу, а из семерых — ни мальцу. И от тебя, человеке-издалече, увернись! — сказал и был таков.

Катится дальше блин, а навстречу ему — курица.

— Здравствуй, блин, — говорит.

— Здравствуй, курица-умница, — отвечает блин.

— Блин мой ненаглядный, не катись, задержись, дай я тебя съем!

— Я хозяйке не дался и старцу-отцу, а из семерых — ни мальцу. Ушёл я от человека-издалёка и от тебя, Курица-умница, увернись! — сказал и был таков.

Катится дальше блин, катится, а навстречу ему — петух.

— Здравствуй, блин, — говорит.

— Здравствуй, хват-петух! — отвечает блин.

— Блин мой ненаглядный, не катись, задержись, дай я тебя съем!

— Я хозяйке не дался и старцу-отцу, а из семерых — ни мальцу. Ушёл я от человека-издалёка, от курицы-умницы и от тебя, хват-петух, увернись! — сказал и был таков.

Катится, катится блин и встречает утку.

— Здравствуй, блин, — утка говорит.

— Здравствуй, утка-прибаутка, — блин отвечает.

— Блин мой ненаглядный, не катись, задержись, дай я тебя съем!

— Я хозяйке не дался и старцу-отцу, а из семерых — ни мальцу. Ушёл я от человека-издалёка, от курицы-умницы, от хвата-петуха и от тебя, утка-прибаутка, увернись! — сказал и был таков.

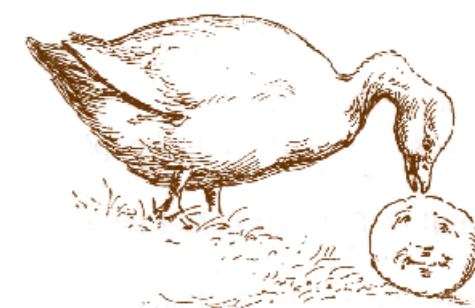
Потихоньку-полегоньку катится блин долгонько, и встречается ему гусыня.

— Здравствуй, блин, — говорит.

— Здравствуй, гусыня-разиня, — блин ей.

— Блин мой ненаглядный, не катись, задержись, дай я тебя съем!

— Я хозяйке не дался и старцу-отцу, а из семерых — ни мальцу. Ушёл я от человека-издалёка, от курицы-умницы, от хвата-петуха, от утки-прибаутки и от тебя, гусыня-разиня, увернись! — И был таков.

Катится блин по дороге, катится, навстречу ему — гусак.
— Здравствуй, блин, — говорит.
— Здравствуй, гусак-простак, — отвечает блин.
— Блин мой ненаглядный, не катись, задержись, дай я тебя съем!
— Я хозяйке не дался и старцу-отцу, а из семерых — ни мальцу. Ушёл я от человека-издалёка, от курицы- умницы, от хвата-петуха, от утки-прибаутки, от гусыни-разини и от тебя, гусак-простак, увернусь, — сказал и пропал.

Катится, катится и встречает свинью.
— Здравствуй, блин ненаглядный мой, — говорит свинья.
— Здравствуй, студень свиной, — отвечает блин. И скорей прочь.
— Эй, погоди, — кричит свинья, — чего торопишься, вместе через лес и двинемся. Вместе надёжней... Блин подумал: дело свинья говорит. И согласился. Недолго были они в пути, как вдруг перед ними — ручей. Свинья запросто перебралась на ту сторону, а блин стоит, мнётся.

— Садись ко мне на пяточок, — говорит свинья, — я тебя через ручей переправлю. Блин послушался.

— Хрю!

Свинья его и проглотила. А раз блин дальше не катится, то и сказка не сказывается.

ПРО МАЛЬЧИКА, ЧТО К СЕВЕРНОМУ ВЕТРУ ЗА МУКОЙ ХОДИЛ

Жила-была старая женщина с сыном. Послала немощная хозяйка сына в кладовую, во двор, — за мукой. Набрал он муки в кладовой, только ступил за дверь — налетел тут Северный Ветер, муку хватать — и умчал. Пошёл мальчонка, снова муки набрал. Выходит — тут как тут Ветер, за муку да и прочь. И в третий Ветер муку унёс. Рассердился малец: ну и лих этот Северный Ветер, без меры хваток. Решил идти Ветра искать, муку свою отбирать.

Решил — и пошёл со двора. Долго шёл, пришёл к Ветру Северному.

— День добрый, — мальчонка сказал.

— День добрый, — проревел в ответ Северный Ветер. — Зачем пришёл?

— Да просить тебя, — говорит малец, — не вернёшь ли муку, что из кладовой я нёс. Достатка — живём, не ведаем. Коль ты налетаешь, последнее из рук вырываешь, нам только с голоду помереть остаётся.

— Нет, муку не держу, — отвечает Северный Ветер, — да в нужде выручу. Бери у меня скатёрку. С нею добудешь, чего пожелаешь, только веди: «Расстелись, скатерть, накорми вдосьть!»

Взял малый скатёрку с радостью. И домой подался. Шёл день до вечера, домой не добрался, на постоялом дворе переночевать задержался. Вот время ужинать — он скатёрку в уголке вынимает, велит:

— Расстелись, скатерть, накорми вдосьть!

Не успел вымолвить — а на скатерти угощений ешь не хочу.

Дивятся на постоялом дворе скатёрке, а больше всех — жена хозяина. Никакой тебе, думает, варки-жарки с этакою скатёркой; стол не накрывай, не убирай, взад-вперёд не носись. Ночью, как все заснули, взяла она и подменила скатёрку другой — по виду точь-в-точь такая, да не угостит и овсяной лепёшкой.

Встал утром мальчонка, скатерть взял — и домой. Приходит — матери говорит:

— Был я у Ветра Северного; хозяин сговорчивым оказался, вместо муки дал мне, вот, скатерть.

Ей только скажи: «Расстелись, скатерть, накорми вдосыть!» — уж она расстареется.

— Ишь какая! — отзывается мать. — Да прежде б проверить, потом и верить. Малец — за скатёрку, прыг к столу — и велит:

— Расстелись, скатерть, накорми вдосыть!

А на скатерти — ну ни крошки.

— Значит, опять к Ветру Северному идти, — сказал мальчонка — и в путь.

Шёл, долго шёл, пришёл.

— Вечер добрый! — говорит.

— Вечер добрый! — отзывается Северный Ветер.

— В убытке мы без муки, от скатёрки ж проку немного, — говорит ему мальчик.

А Ветер:

— Муку не держу. Бери у меня козла да подбирай за ним золотые дукаты. Ему надобно только сказать: «Ну-ка, монету сыпь!»

Мальчик козла взял — не возражал.

Пошёл домой. Путь не близкий, солнце низко — решил на постоялом дворе ночевать. Ну, чтоб было чем расплатиться, козла попытал. Северный Ветер его не надул: не подвёл козёл. Увидал такое хозяин — сказал себе: козёл стоящий. Мальчонка заснул, а хозяин козла и подменил.

Наутро пустился малец домой. Приходит — матери говорит:

— Северный Ветер — хозяин сговорчивый, дал мне козла, что золотыми дукатами так и сыпет.

— Ишь какой! — отзывается мать. — Да сперва — проверить, потом и верить.

— Ну, мой козлик, монету сыпь! — мальчик велит. Глядит — куча лежит, да не монет, нет.

Опять к Северному Ветру мальчик отправился. Пришёл — пожаловался: и с козлом, мол, промашка, в убытке они без муки.

— Да у меня и дать тебе больше нечего, — отзывается Северный Ветер, — кроме, вон в углу, старой клюки. Ты скажешь ей: «Палочка, походи-ка!» — послушает. Скажешь: «Уймись!» — по-твоему будет.

Пустился мальчонка в обратный путь, на постоялом дворе задержался. В уме-то прикинул, как со скатёркой да с козлом получилось, вот сразу на лавку и лёг. Будто спит — храпит. Хозяину тоже смекалки не занимать: увидел палку — ну искать подходящую на подмену.

Вот со своей — к лавке подходит, где малый вроде бы спит. А тот как закричит:

— Палочка, походи-ка!

Палка давай хозяина по бокам охаживать, молотить.

Он от палки через лавки, столы скачет, кричит-голосит:

— Господи спаси! Господи сохрани! Ты, малый, — просит, — уйми её, окаянную, а то ж на смерть забьёт. Верну тебе скатёрку с козлом!

Поделом досталось хозяину, малец себе говорит. Палке — велит:

— Уймись!

Ну, мальчонка скатёрку в карман сунул, козла на бечёвку взял, а палку — в руку. И домой зашагал.

Без муки, да уж никак не в убытке.

КОРОЛЕВНА «ХРУСТАЛЬНОЙ ГОРЫ»

Жил однажды хозяин, и был на косогоре у него большой луг, там и сеновал имелся — складывать сено. Да только давно уж стоял сеновал пустёхонек, потому как под Хансов день¹, когда трава в самом соку, по лугу будто целый табун пройдёт, дочиста траву объест, вытопчет.

Ну, раз хозяин стерпел, другой, на третий — досада его взяла. Позвал сыновей — а у него было трое, и младший, ясно, Пёпеленем прозывался, — позвал и сказал хозяин своим сыновьям: пускай под Хансов день один на сеновале ночует да глядит хорошенько за лугом. Негоже третий год подряд остаться без сена.

Вызвался старший сын луг стеречь, ни людям, мол, ни скотине, самой нечистой силе траву переводить не даст, похвалялся.

Чуть вечер настал, он на сеновал отправился. Пришёл — и сразу спать завалился.

Ночь ещё не глубока — тра-та-та, тра-та-та: кто-то по лугу мчит, аж земля дрожит, сеновал шатается, крыша вот-вот повалится. Парень проснулся — и наутёк без оглядки.

Наутро травы на лугу как не бывало. Опять хозяин без сена — от похвальбы толку мало.

Год проходит — зовёт он своих сыновей и наказывает одному под Хансов день ночевать на сеновале, да пускай, мол, глядит — не спит, чтоб трава, мол, была цела.

.....

¹ 24 июня — языческий праздник, Иванов день в русской традиции.

Отправился средний сын вечером на сеновал. Только лёг — уж спит без задних ног.

Ночь настала, земля задрожала — посильнее, чем в прошлый раз. А парень проснулся и от страха так припустил, будто ему за проворство кто заплатил.

Ещё год прошёл — луг стеречь черёд Пепеленя подошёл. Вот он со двора собирается, а старшие братья смеются над ним, потешаются.

— Куда тебе-то за дело браться, сидел бы на печке — поджаривался! Убережёшь траву, как же!

Да Пепелень и ухом не ведёт, под вечер на сеновал идёт.

Лечь-то ложится, да ему не спится. Вдруг загремело-загрохотало — прямо страх!

Хуже б не сделалось, говорит себе Пепелень, а такое перетерплю.

Вот опять загремело-загрохотало. Земля дрожит, сеновал ходуном ходит.

Хуже б не сделалось, а такое перетерплю, Пепелень себе говорит.

В третий раз загремело-загрохотало, сеновал затрещал, едва удержалась крыша. Загрохотало да тут же и стихло.

Во-о-от сейчас трахнет, Пепелень себе говорит. Ждёт-дожидается, а снаружи ни шороха. А потом чудится-таки Пепеленю, будто у самой двери конь тихохонько ржёт, траву жуёт. Выглянул парень в щёлку — и точно: конь. Рослый, откормленный, холить — не выхолить лучшего. А уздечка на нём, а седло! Вся верховая сбруя, из меди кованная, так и сверкает-горит.

Ого, так вот кто на нашем лугу отъедается, сказал себе Пепелень.

— Ну держись!

Как прыгнет он за дверь, как кинет огниво своё через коня! Тот и замер на месте. Вскочил тогда Пепелень на скакуна, во весь опор помчал к тайнику, коня спрятал, а сам домой воротился.

Братья встречают его — насмешничают:

— На сеновале, верно, все бока отлежал! Что-то не верится, чтоб ты на косогор забирался!

А он отвечает:

— Спал — не просыпался, пока солнце не встало. Ничего не слышал, не видал. Не пойму, кто на вас страху нагнал.

— Ну-ка, мы поглядим, цела ли трава, — братья сказали и на луг побежали. Глядят — а трава, как была, густа, высока.

Ещё год проходит. Под Хансов день боязно братьям на косогор забираться луг стеречь. А Пепеленю — всё равно, где лечь, спать завалиться. Хоть и на сеновале.

Ну, как и прошлым летом, не успел Пепелень лечь, снаружи загремело-загрохотало. И раз, и другой, и третий — точь-в-точь как прошлым летом, да только грохотало сильнее. Вот стихло там. Пепелень к двери подкрадывается, в щёлку приглядывается: конь стоит, траву пощипывает-пожевывает. Рослый, откормленный, холёный — не видал Пепелень лучшего. Куда до этого прежнему! А уздечка, седло — сбруя вся из чистого серебра, так и горит, глаза слепит.

Ого-го, вот кто на нашем лугу отъедается, сказал себе Пепелень.

— Ну держись!

За огниво хватъ да через гриву коня и кинул. Сделался конь смирным, будто овечка. Вскочил тогда Пепелень на скакуна и пустился во весь опор к тайнику. Где первый поймыш был, туда и другого спрятал.

Домой является, а братья опять над ним насмеваются:

— Никак на лугу тишь да гладь?

— Тишь, да гладь, да Божья благодать!

Братья на косогор — а зелен луг под солнцем раскинулся, разнежился. Цела трава, сеновалу полному быть.

Да только братья не радуются, на Пепеленя братья злобятся.

Вот ещё год прошёл, Хансов день подошёл. Братьев на сеновал не заманишь, в первый раз натерпелись страху — сколько жить, не забыть! А Пепеленю — всё равно, где лечь. Хоть и на сеновале.

Ну, лёг он. Как тут загремит-загрохочет! Потом пуще, а втретью так трягнуло, что парня аж к стенке напротив швырнуло. Да разом и тишь.

Навострил Пепелень уши — будто бы конь тихохонько ржёт, травку жуёт. Пепелень к двери подкрадывается, в щёлку приглядывается — точно: конь. Рослый, откормленный, холёный, куда двум прежним до этого! А уздечка, седло — сбруя вся из червонного золота!

Ого-го, на нашей-то травке кто отъедается, сказал себе Пепелень.

— Да теперь уж держись!

Как кинул парень огниво через коня, так тот и встал, будто вкопанный, что хочешь, то и делай с таким.

Ну, Пепелень поскакал к тайнику и поимыша, где были два прежних, спрятал.

Парень — домой, а братья над ним потешаются, мол, вот он, сторож бы-
валый идёт, глаза до сих пор не продерёт! Да Пепелень только рукой и мах-
нул: сами, дескать, глядите.

Побежали они, поглядели — у них-то глаза на лоб полезли: трава, как на-
кануне, целёхонька. Ну, втроём у отца братья хлеб жуют, на младшего стар-
шие зуб точат.

А отец с сыновьями жил в королевстве, где у отца-короля дочка была —
красивая да строптивая. Замуж, сказала, только за того и пойдёт, кто одолеет
Хрустальную гору. На самом верху этой горы сядет она с тремя яблоками
золотыми, всадники ж, рыцари пускай скачут... Кто трижды доскачет, триж-
ды яблоко золотое из рук королевны вырвет, тому дочку в жёны и полкоро-
левства отдаст он — так король велел со всех церковных холмов возвестить,
а в заморские королевства с вестью велел гонцов отрядить.

Королевна — красавица, кто ни глянет, тотчас влюбляется. Ясно, охот-
ников набежало, каждый бы королевскую дочку и без приданого взял. Съе-
хались королевичи, рыцари со всего света к Хрустальной горе. Гарцуют
на скакунах, сбруей, доспехами друг перед другом хвастают. Каждый дума-
ет про себя: он, и никто другой королевну получит, хоть гора высоченная.
А скользкая-а-а — что ледяная!

Вот королём назначенный день приближается, рыцари у Хрустальной
горы кишмя кишат, со всего королевства калеки — и те спешат поглядеть,
кому королевна достанется. Братья Пепеленя тоже идут. Старшие младшего
не берут: ему ж лень на ноги подняться, только бы в пепле копаться, а тут,
мол, где взялась у урода прыть — их перед целым светом вздумал срамить.

— Без вас обойдусь, один доберусь, — ответил им Пепелень.

Пришли старшие братья на королевский двор. А всадников там
и не счесть, на Хрустальную гору стремятся — да зря всё. Только конь
в гору — с горы и скользит; на локоть, ещё на локоть — а выше никто не под-
нимется. Диво ли: гора, что стекло в окне, гладкая, что стена в доме, стой-
мя стоит. День до вечера королевичи да рыцари счастья пытали, на гору
скакали. Кони уж в мыле — тогда всадники отступили. Вот король на зав-
тра перенести испытание собирается — тут откуда ни возьмись всадник
является: под ним конь невиданный, сбруя конская, доспехи у рыцаря —
медные, так и горят.

Кричат всаднику королевичи, рыцари: незачем понапрасну стараться,
на гору, мол, не забраться.

А он будто не слышит, к Хру-
стальной горе спешит. Скок — треть
горы одолел да и назад.

Всадник собой до того пригож,
хорош, что королевна, пока он не по-
вернул, глаз с него не сводила, твер-
дила: только б добрался. Он — назад,
а она вдогонку яблоко золотое и ки-
нула. Яблоко ему в башмак угодило.
Жмёт! Догадался он: королевна опять
его ждёт, без него свет ей тесен.

Он с горы скатился — и пропал,
прочь ускакал.

Вечером король рыцарей скли-
кает, велит удальцу, что на гору
взобрался, яблоко показать. Коро-
левичи, рыцари один за другим при-
ходили, яблоко — не приносили.

А братья вернулись домой и давай рассказывать Пепеленю: на Хрусталь-
ную гору, мол, никто б не забрался, коли б не диво-всадник на чудо-коне.
Сбруя у коня была медная, так и горела, и всадник ловко взялся за дело —
скоком треть горы одолел, а захоти — доскочил бы до самой вершины. Толь-
ко он коня повернул, на первый раз решил, верно, хватит.

— Вот бы и мне на того рыцаря поглядеть, — Пепелень говорит. Он-то
опять у печки сидит, в пепле копается.

— Поглядеть ему захотелось! — братья вскричали. — Ты сперва на себя
погляди, неумытая рожа, на королевский двор таких пускать негоже.

Наутро старшие братья на королевский двор идут, и Пепелень с ними
просится. Да они младшего не берут, не хотят, дескать, позориться.

— Что ж, без вас обойдусь, один доберусь, — Пепелень им сказал.

Пришли братья к Хрустальной горе. А королевичи, рыцари опять сча-
стья пытаются. Коней, подкованных заново, шпорят, на гору скачут, да с горы
и скользят. На локоть-другой — а выше никто не поднялся, как ни старал-
ся. Кони уж в мыле — тогда всадники отступили. Ну, завтра с новыми сила-
ми, может, дело сладится — король испытания перенести собирается, разве
только всадник в медных доспехах появится. Его-то ещё не видали.

В медных — нет, не явился. Зато скачет другой, конь под ним коня с медной уздечкою краше, у этого сбруя вся — из чистого серебра, на всаднике доспехи серебряные, так и сверкают.

Стали всаднику рыцари-неудачники в один голос кричать: незачем и пытаться, на гору ему не забраться. Да он их не слушает, к Хрустальной горе спешит. Наверх как махнул — выше вчерашнего всадника очутился: гору одолел на две трети, да вдруг взял коня назад повернул.

А уж этот всадник королевне глянулся! Пока он не повернул, всё твердила: только б добрался.

Повернул — она вслед яблоко золотое кинула, в башмак ему яблоко угодило.

Скатился всадник с горы — и пропал, прочь умчал.

Опять король вечером рыцарей призывает, золотое яблоко велит показать. Да где ж яблоко рыцарям взять, приходится — приходили, яблоко — не приносили.

А братья — домой, опять давай дома рассказывать, как женихи у Хрустальной горы толклись, да на гору не взобрались. Потом, мол, рыцарь является, доспехи, сбруя конская — из чистого серебра. Вот уж этот скачет! На две трети гору он одолел, а захоти — до вершины добрался б. Ох и всадник лихой! Коня повернул — а королевна вслед ему золотое яблоко кинула.

— Охота и мне на рыцаря поглядеть, — Пепелень говорит.

А братья давай хохотать.

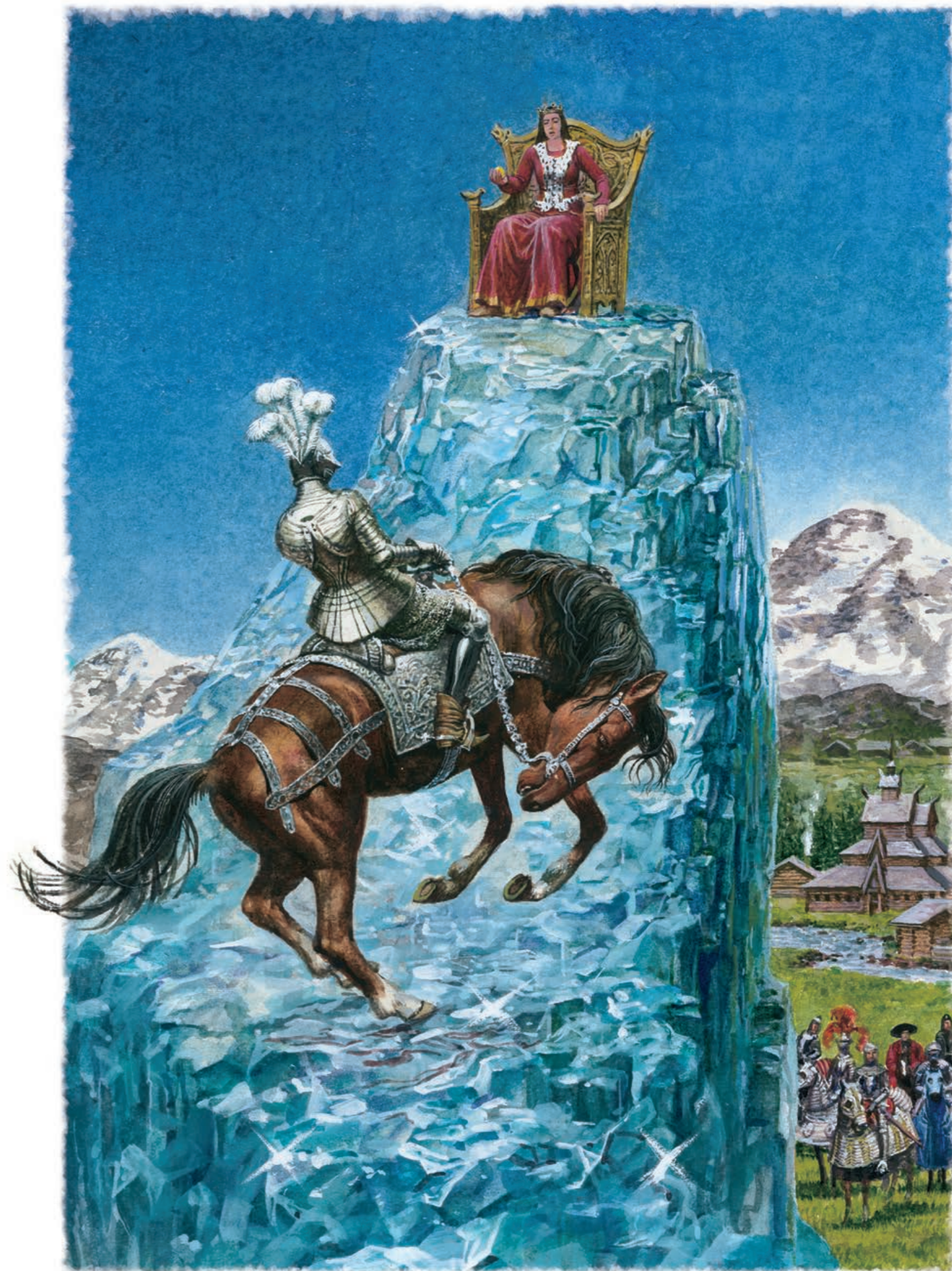
— Тому рыцарю ты прямо под стать! Лохмотья лоснятся почище чистого серебра! Ах ты, немытая рожа!

На третий день случилось похоже. Опять братья к Хрустальной горе идут — младшего не берут. Пришли. Гора стоит, как стояла. Из всадников мало кто в гору на локоть-другой поднимался. Ждут, не явится ль рыцарь в доспехах серебряных. Его не видать, зато вот скачет к горе на чудо-коне другой — червонным золотом сбруя, доспехи горят, аж глаза слепят.

Всадники-неудачники рты раскрыли: куда уж такому кричать, чтоб не старался, на гору не забирался! А он на вершину вихрем, у королевны из рук яблоко хватить — не успела она того пожелать! Тут он коня повернул, скатился с горы и как в воду канул.

Вернулись братья домой, ну рассказывать, рыцаря в золотых доспехах нахваливать. Второго такого на всём белом свете не сыщешь!

— Вот бы и мне на него поглядеть, — Пепелень говорит.

— Ты своё знай, в пепле ройся-копайся, да смотри не зарывайся! — кричат ему старшие братья.

Наутро король с дочкой своей рыцарей призывают, показать золотое яблоко требуют. Все приходили, яблоко — не приносили.

— Брал, кто-то брал! — в сердцах король закричал. — Буду искать! Видано ль, чтоб яблоко в королевстве пропало? Не иголка ж в стогу! — И ну народ на королевский двор звать, яблоко требовать.

Со всех уголков королевства люди к королю приходили, а яблоко золотое не приносили. Пришли, считай что последними, и Пепелень братья. Ясно, с пустыми руками явились.

А король им:

— Неужто моё королевство на вас и кончается?

— Да есть, — отвечают, — братец у нас меньшей. Только не он яблоко взял; уж сколько дней носа за порог не казал, в золе сидит, роется.

— Пускай всё равно поторопится! — король закричал. Явился Пепелень к королю.

— Яблока у тебя не найдётся? — спрашивает король.

— Коли нужно — найдётся, — Пепелень говорит. — И достаёт из кармана яблоко золотое. А потом другое и третье.

Скидывает лохмотья, от сажи чёрные, Пепелень — вот он, рыцарь в доспехах червонного золота на дворе королевском стоит.

От блеска король аж зажмурился, а потом говорит:

— Ладно, отдаю тебе дочку и полкоролевства. Ты того стóишь.

Сыграли свадьбу. Славно пировали-гуляли. Шум поднять — это не на гору Хрустальную подыматься: тут рыцари молодцы. Коли друг дружку не смогли перебить, верно, нынче взялись перепить.

ПЕТУХ, КУКУШКА И ТЕТЕРЕВ

Нетух, кукушка и тетерев однажды купили корову. Как поделить — не знают, уступать друг другу не желают. И порешили: кто первый утром проснётся — тот корову себе и возьмёт.

Первым проснулся петух:

— Ку-ка-ре-ку-у, я и возьму коровуш-ку-у!

Прокукарекал петух — кукушка проснулась:

— Ку-ку, и мне коровуш-ку!

Прокуковала кукушка — тетерев проснулся:

— Каждый бери — по-братски дели, по-братски дели!

Ну-ка, на твой суд: к кому корову отведут?

